

Засодимский Павел Владимирович

На большой дороге

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
На большой дороге: Рассказ / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85788-8

ISBN 978-5-519-85788-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нерѣдко тянулись по дорогѣ длинные обозы, поскрипывая колесами,—и тогда въ воздухѣ сильно припахивало дегтемъ. Иногда проходилъ цыганскій таборъ, пробираясь на кочевья... На большихъ телѣгахъ везли сложенные бѣлыя палатки, коробъ съ какимъ-то тряпьемъ, и изъ нихъ выглядывали темно-волосыя, курчавыя головы ребятишекъ; по сторонамъ шли или ѣхали верхомъ цыгане; шли смуглолицыя женщины съ красными, рваными шальями на смуглыхъ плечахъ,—сухіе, черные волосы прядями выбивались изъ-подъ небрежно повязанныхъ платковъ, и острые, пронизательные глаза свѣтились ярко, какъ угольки, изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей и зорко взглядывали по сторонамъ. За телѣгами слѣдомъ шли поджарыя собаки, уныло поджавъ хвостъ и низко понутивъ голову. Объ этихъ кочевникахъ у насъ шла дурная слава. Говорили, что цыгане мошенничаютъ, обмѣнивая хорошихъ лошадей на своихъ жалкихъ клячъ: для этого они, будто бы, предварительно подбодряютъ ихъ нещадными ударами кнута,—такъ что самое смиренное животное, разбитое на всѣ четыре ноги, вдругъ дѣлается звѣрь-звѣремъ, и ловкій цыганъ выдѣлываетъ на немъ передъ покупателемъ такіе отчаянные курбеты, что всѣ только ахаютъ отъ удивленія. Про цыганокъ говорили, что онѣ, подъ предлогомъ ворожбы и гаданій, втираются въ дома къ добрымъ людямъ и крадутъ куръ, яйца, холстъ, одежду и вообще всякій домашній скарбъ, плохо лежащій. Даже о цыганскихъ собакахъ рассказывали, что онѣ приучены давить овецъ и телятъ..

Каждую недѣлю два раза, взадъ и впередъ по дорогѣ, проносилась «почта» на тройкѣ добрыхъ коней, поднимая за собой облака сѣрой пыли; колокольчикъ звенѣлъ, заливался подъ дугой, бубенчики громко звякали и шуршали на шеѣ пристяжныхъ; ямщикъ, съ блестящей бляхой на шапкѣ, лихо покрикивалъ и крутилъ арапникомъ, а на телѣгѣ, на тюкахъ, покрытыхъ кожей и перевязанныхъ веревками, сидѣлъ, примостившись бокомъ, почтальонъ—усталый, измученный, полусонный,—и, при каждомъ толчкѣ, его форменная фуражка, казалось, го-

това была слетѣть съ его головы, качавшейся изъ стороны въ сторону, а старый, заржавленный пистолетъ чуть не выскакивалъ у него изъ-за пояса... Иногда проѣзжали бары, чиновники, купцы. Въ годъ или въ два года разъ, въ каретѣ шестерней, пугомъ, провозили [губернатора и архіерея. При этомъ ямщикамъ бывало не мало хлопотъ: крестьянскія лошади, не привыкшія къ такой парадной ѣздѣ, поминутно сбивались, путались въ постромкахъ; ямщикъ кричалъ и трещалъ своимъ длиннымъ аралникомъ, а паревекъ, скакавшій фореиторомъ, чуть не ревѣлъ — ревмя... Въ прежніе годы, придорожнымъ бульваромъ иногда проводили медвѣдя, и Мишка тяжело переваливался, идя на цѣпи за своимъ провожатымъ. Какъ-то уже давно, лѣтъ 30 тому назадъ, по «большой дорогѣ» однажды провели даже одnogорбаго верблюда, и это животное — невиданное и неслыханное въ нашей сторонѣ — произвело у насъ, на Васютинѣ, страшный переполохъ и повергло въ ужасъ одну выжившую изъ ума старуху, принявшую его, кажется, за апокалипсическаго звѣря. Толпа народа шла вплоть до постоялаго двора, гдѣ верблюдъ останавливался на ночевку...

На протяженіи версты отъ деревни дорога извивалась широкою, пыльною лентой, осыпанной по сторонамъ зеленою кудрявыхъ березъ, затѣмъ круто поворачивала на западъ, а тамъ, еще далѣе, пролежала черезъ кустарникъ и, наконецъ, уходила въ лѣсъ.

Въ дѣтствѣ, для меня въ «большой дорогѣ» заключалась особенная прелесть, полная таинственности и очарованій. Туманная даль, въ которой пропадала дорога, какою-то невидимою силой привлекала меня, неотступно манила, звала къ себѣ... Лѣтнимъ вечеромъ, бывало, я любилъ сиживать при дорогѣ, прислонившись спиной къ бѣлостолой березонькѣ, и смотрѣть на эту пыльную дорогу, по которой проѣзжало и проходило куда-то столько народа. И карета, тихо покачивавшаяся на своихъ рессорахъ, и лихая почтовая тройка, и арестанты въ сѣрыхъ халатахъ, и странники, и убогіе — всѣ направлялись по этой дорогѣ и скрывались въ синевато-сѣрой дали. Куда,

зачѣмъ шли и ѣхали всѣ эти люди? Куда они спѣшили? Кто ихъ ожидалъ *тамъ*? И я невольно засматривался въ ту сторону, куда уходила дорога и гдѣ солнце по вечерамъ западало за лѣсистый край земли, надолго оставляя послѣ себя на небѣ яркій отсвѣтъ. И подолгу задумчиво смотрѣлъ я въ эту сіяющую даль, и смутныя думы, смутныя образы проносились въ моей дѣтской головѣ... Мнѣ хотѣлось самому пойти по этой дорогѣ, усаженной березами, пойти далеко-далеко вмѣстѣ со всѣмъ людомъ, проходившимъ по ней. Мнѣ хотѣлось дойти до конца ея и посмотреть: что тамъ есть? какіе люди тамъ живутъ и какъ живутъ?..

Дорога, вѣдь, уходила туда, куда заходило и солнце; дорога скрывалась въ золотисто-розовой дали... И мнѣ невольно думалось, что тамъ, куда она уходитъ, должно быть, очень хорошо, свѣтло и радостно. Когда у насъ на Васютинѣ уже почти наступала ночь, *тамъ* все еще горѣла заря и долго свѣтилась она *тамъ* послѣ того, какъ надъ нашими полями и болотами спускались полупрозрачныя, синеватыя тѣни лѣтней ночи. Когда яркая полоса на западѣ потухала, вмѣсто нея надъ темнымъ лѣсомъ еще долго мерцалъ нѣжный, розовый свѣтъ. Зубчатые вершины еловыхъ лѣсовъ, подернутыхъ синеватою тѣнью, рѣзко обрисовывались на ясномъ небѣ. Въ вышинѣ проступали звѣзды, тихо мерцавшія блѣднымъ, серебристымъ свѣтомъ. Отъ свѣсившихся надо мной зеленыхъ вѣтвей вѣяло вечернею прохладой... Болото, лежавшее прямо противъ меня по ту сторону дороги, поросшее ивой, низкимъ верескомъ и можжевелемъ, утопало въ ночномъ сумракѣ, а на болѣе низкихъ мѣстахъ и вдоль рѣчки, извивавшейся по болоту между кустами ивъ и ольхи, полосами стлался бѣлесоватый туманъ.

Давно уже прогнали домой деревенское стадо; трескъ бича уже замолкъ... А я все еще сидѣлъ подъ березой и, не то засыпая, не то бодрствуя, смотрѣлъ на пыльную дорогу, сѣрою лентой извивавшуюся передо мной и пропадавшую въ сумракѣ наступившей лѣтней ночи. Какъ будто сквозь сонъ, слышалъ

я доносившійся издали глухой лай деревенскихъ собакъ, видѣлъ тройку «обратныхъ» почтовыхъ лошадей, шагомъ возвращавшихся домой, видѣлъ ямщика, развалившагося въ телѣгѣ на охапкѣ зеленого сѣна и напѣвавшаго пѣсенку. Я слышалъ лѣнивое позвякиваніе колокольчика, шуршанье бубенчиковъ, и до меня доносились все одни и тѣ же унылыя слова:

«Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона-ль моя родимая»...

II.

Былъ у насъ почтовымъ смотрителемъ Иванъ Петровичъ Прокофьевъ, человекъ смиренный, тихій, воды не замутившій ни разу на своемъ вѣку. Его звали у насъ на деревнѣ просто «Петровичемъ» или «чиновникомъ»—ради его форменнаго сюртука съ мѣдными пуговицами. Это былъ, по-истинѣ сказать, несчастный человекъ. У него было такое злополучное лицо, что изъ ста человекъ, посматрѣвшихъ на него, навѣрное девяносто съ полною увѣренностью сказали бы про него, что онъ—пьяница. У проѣзжающихъ даже составилось о Васютинскомъ смотрителѣ такое мнѣніе, что онъ «пьетъ безъ просыпа», что онъ «вѣчно пьянъ, какъ стелька». А между тѣмъ въ дѣйствительности Прокофьевъ пилъ очень умеренно, да и то лишь въ праздники, въ почтенной компаніи.

Проѣзжающихъ вводило въ заблужденіе его лицо—блѣдное, какъ бы испитое, его тусклые, покраснѣвшіе глаза, его красносизый носъ, напоминавшій собой грушу; его волосы какого-то неопредѣленнаго, желтовато-рыжаго цвѣта, лѣзшіе ему прямо на лобъ и на глаза; его торчащіе усы и часто небритый подбородокъ, покрытый словно щетиной. Вообще, все его невзрачное лицо казалось какимъ-то выпцвѣтшимъ, полинявшимъ,—и человекъ, незнакомый съ Петровичемъ, при взглядѣ на него, невольно искалъ на его лицѣ сисяковъ, царапинъ, фонарей и тому подобныхъ примѣтъ, обыкновенно украшающихъ собой лица пьяницъ. Его старое, поношенное платье производило на зрителя такое же невыгодное впечатлѣніе, какъ и его лицо.

Форменный сюртукъ, вытертый до-нельзя, позеленѣвшій отъ старости, побѣлѣвшій по швамъ и лишенный двухъ или трехъ мѣдныхъ пуговицъ; потертые, короткіе штаны, не доходившіе до пятъ, и скрипучіе, неуклюжіе сапоги не представляли въ лучшемъ свѣтѣ фигуры Петровича, не придавали ей привлекательности.

Когда же проѣзжающіе являлись ночью и Петровичъ бывалъ застигнутъ врасплохъ, тогда онъ являлся въ еще болѣе непрезентабельномъ видѣ. Непричесанные волосы будоражились на его головѣ и лѣзли во все стороны, словно ихъ кто-нибудь только-что взъерошилъ; форменный сюртукъ былъ въ пыли, въ пуху, а заспанные глаза придавали Петровичу еще болѣе видъ пьянаго, непроставшагося человѣка. Когда онъ являлся къ проѣзжающимъ, еще пашатываясь со сна, торопливо застегивая дрожащими руками свой «виць-мундиръ» и невольно шуря глаза при переходѣ изъ потемковъ къ свѣту, проѣзжающіе брезгливо отворачивались отъ него, ворча вполголоса: «пьянъ!..» А у Петровича, можетъ статься, болѣе мѣсяца, какъ во рту не бывало и капли вина. Ужъ правда, что «наружность иногда обманчива бываетъ»... Болѣе трезваго человѣка трудно было найти въ почтовомъ вѣдомствѣ россійской имперіи, а между тѣмъ никогда еще, кажется, ни одинъ завзятый пьяница-смотритель не внушалъ проѣзжающимъ такого отвращенія, какъ нашъ бѣдный Петровичъ. Онъ былъ безъ вины виноватъ—только тѣмъ, что природа сыграла съ нимъ злую шутку: надѣливъ его, трезваго человѣка, фізіономіей горькаго пьяницы.

Онъ былъ сынъ почтальона и самъ началъ свою карьеру почтальономъ, трясясь на почтовой телѣгѣ отъ города до города; изъ почтальоновъ онъ, наконецъ, дослужился до смотрительства. Въ описываемую пору ему было около 50 лѣтъ и изъ нихъ 28 лѣтъ онъ провелъ на службѣ. Уже пятнадцатый годъ онъ служилъ у насъ смотрителемъ и три года тому назадъ получилъ первый чинъ—коллежскаго регистратора...

Уже будучи смотрителемъ, онъ женился на дочери одного

сельскаго священника, имѣвшаго 16 человѣкъ дѣтей обоого пола. Петровичъ въ ту пору былъ по своему счастливъ, но счастье его продолжалось недолго...

Черезъ десять лѣтъ тихой и скромной супружеской жизни, жена его вдругъ заболѣла страшнымъ душевнымъ недугомъ, оставивъ на его попеченіи трехъ сыновей и дочь-малютку по второму году. Несчастливая женщина, уже будучи больною, года два еще жила въ семьѣ. Не могъ Петровичъ разстаться съ нею, все тѣшилъ себя надеждою, что авось она поправится и они попрежнему заживутъ хорошо. Много горя принялъ отъ нея Петровичъ въ эти два года... Она была женщина слабаго здоровья, очень религіозная, добрая, чувствительная, и теперь въ сумасшествіи постоянно всѣмъ говорила, что она—страшная грѣшница и мужъ ея также великій грѣшникъ.

— Мы съ тобой живемъ не по правдѣ!—говорила она мужу, строго смотря на него въ упоръ своими безумными очами.— По какому праву мы этакъ наряжаемся съ тобой? Какъ мы можемъ наряжать такъ своихъ ребятъ, когда у иныхъ совсѣмъ нечѣмъ [прикрыться?.. Ой, Петровичъ! Ужъ доживемъ мы съ тобой до великой бѣды! Вотъ попомни мое слово! Погоди!.. Пропадемъ мы за свое окаянство, какъ черви придорожные!

Петровичъ, бѣдняга, только ежился и ужасно смущался, слушая такія рѣчи. Онъ не на шутку трусилъ, когда жена его принималась за свои «страшныя слова», и просто не зналъ, куда ему дѣваться. Но онъ чувствовалъ себя еще хуже, ему становилось еще болѣе жутко и «не по себѣ», когда жена начинала плакать и тосковать. Въ такія минуты онъ совершенно терялся и самъ готовъ былъ плакать. Губы его дрожали, и онъ начиналъ усиленно крутить нижнюю пуговицу своего несчастнаго вицъ-мундира.

— Петровичъ!—тихо говорила она, грустно смотря на него сквозь слезы.—Голубчикъ мой... Покаемся! Покаемся, Христа ради... Хоть ради ребятишекъ... Смотри: вѣдь и на нихъ горя хватить! Много горя на свѣтѣ, не изжить его... Успокой ты меня! Покаемся, Петровичъ! Простимся, раздадимъ имущество бѣднымъ...

Она говорила тихо, но страстно, съ жаромъ искренняго увлеченія.

— Что ты, Катя, Господь съ тобой!—чуть самъ не плача, усовѣщевалъ ее Петровичъ.—Какое же у насъ съ тобой имущество! И развѣ сами мы не бѣдные?

— Нѣтъ, Петровичъ... не бѣдные!—упорно настаивала она, горько вздыхая и качая головой.—Вонъ у насъ есть и самоваръ, и стулья, и всякое платье. А у бѣдныхъ ничего нѣтъ... Они живутъ въ холодѣ, въ голодѣ...

И несчастная страдала мучилась невыразимо.

— Чужую долю мы заѣдаемъ!—постоянно повторяла она шопотомъ, уныло сидя у окошка и глядя ни вѣсть куда—не то на соломенные крыши деревенскихъ избъ, не то на облака, низко ходившія надъ ними.

Блѣдная, какъ смерть, худая, извуренная, съ бѣлокуроими, распущенными волосами, по цѣлымъ днямъ не бравшая ни крошки въ ротъ, сидѣла она на своемъ стулѣ у окна, низко понутивъ свою нечесанную голову, безпомощно сложивъ руки на колѣнахъ и вся какъ будто опустившись. А блѣдныя губы ея, между тѣмъ, все что-то шептали... Такъ изнывала она изо дня въ день,—цѣлые мѣсяцы и годы,—не присматривая за дѣтьми, не заботясь о мужѣ, вообще не обращая ни на что вниманія и вся углубившись въ свой призрачный міръ—въ свои безумныя грезы...

Петровичъ страдалъ вмѣстѣ съ нею, глядя на ея душевныя муки [и не зная, какъ помочь ей, чѣмъ облегчить ея страданія. При этомъ онъ и боялся за нее, опасаясь какихъ-нибудь безумныхъ выходокъ съ ея стороны, и старался по возможности не спускать ее съ глазъ. Но не всегда же онъ могъ услѣдить за ней. Хотя у почтоваго смотрителя не Богъ вѣсть какія дѣла и обязанности, а все-таки онъ не сидитъ сложа руки. Къ тому же, Петровичъ долженъ былъ, по болѣзни жены, самъ вести свое немудрое хозяйство и приглядывать за дѣтьми. Устанетъ человѣкъ за день, измучится, заснетъ... А жену иногда и ночью сонъ не бралъ: полежитъ часъ-другой съ от-

крытыми глазами, вскочить и заходить по комнатѣ, какъ тѣнь, или сядетъ у окна, понурится, съежится вся и, перекинувъ ногу на ногу, быстро, усиленно качаетъ ногой, какъ бы въ тактъ мыслямъ, толпившимся въ ея бѣдной, разстроенной головѣ.

Тайкомъ отъ мужа, бывало, зимой, въ сильную стужу, убогала она въ церковь къ обѣднѣ, версты за три, и тамъ, ставши въ притворѣ вмѣстѣ съ нищими и убогими, по цѣлымъ часамъ простаивала на колѣнахъ, припавъ плавающимъ лбомъ къ холоднымъ церковнымъ плитамъ и молясь горячо, отъ души. Въ эти минуты она, повидимому, въ какомъ-то изступленіи, забывала все окружающее, ничего не видя и не слыша... Крупныя слезы катились по ея изможденному лицу, глаза устремлялись вверхъ, и смутная, неуловимая улыбка, какъ солнечный лучъ сквозь туманъ, мелькала на ея поблѣднившихъ губахъ.

Однажды, когда мужъ не доглядѣлъ, больная, совсѣмъ раздѣвшись, вышла на улицу и, съ чисто дѣтской наивностью клаяся на всѣ четыре стороны, громко объявила, что она—по заповѣди Христа—навсегда отказывается отъ всякаго имущества, отрекается отъ мужа, отъ семьи...

— Простите меня, православные! Грѣшная я, недостойная...—обливаясь слезами, говорила она людямъ, случившимся въ это время на улицѣ.

Кумушки-сосѣдки насилу утащили ее въ домъ и насилу кое-какъ одѣли ее.

Въ другой разъ, какая-то добрая душа подарила дѣтямъ ситцу на рубахи. Она тайкомъ подобралась къ этому ситцу и весь изрѣзала его ножницами на мелкіе куски... Какимъ-то проѣзжающимъ она принялась было читать проповѣдь о грѣхахъ,—и вышелъ бы скандалъ, если бы проѣзжающимъ не объяснили, что она—женщина больная... Порой находили на нее припадки бѣшенства; тогда гнала она отъ себя мужа, дѣтей, рвала и метала; кроткая, смиренная женщина вдругъ превращалась въ какое-то бѣшеное, разъяренное чудовище. Но проходили эти тяжелыя минуты, больная успокоивалась, забивалась куда-нибудь въ уголокъ и молчала по цѣлымъ днямъ.

Припадки стали повторяться все чаще и чаще. Больная стала служить предметом насмѣшекъ для деревенскихъ зубоскаловъ. Петровичъ сталъ побаиваться за дѣтей: «Какъ бы сумасшедшая не сдѣлала съ ними чего-нибудь!» Нанять же прислугу для присмотра за больною было не на что...

Скрѣпя сердце, Петровичъ долженъ былъ отвести больную въ городъ, въ домъ для умалишенныхъ. Возвратившись домой въ свою пустую избу, онъ сѣлъ на лавку и, свѣсивъ голову на руки, горько заплакалъ... Девять счастливыхъ лѣтъ прошли, какъ сонъ; послѣ нихъ онъ два года маялся, глядя на больную жену,—и вотъ теперь остался окончательно одинъ-одинешенекъ со своими ребятами. Взялъ онъ на руки малютку-дѣвочку и, посмотрѣвъ на дѣтей, промолвилъ вполголоса:

— Нѣтъ у васъ мамы... Что теперь буду я съ вами дѣлать?..

Мальчики видѣли, что отецъ разстроенъ, плачетъ и молча стояли подлѣ него. Черезъ минуту, однако, младшій изъ мальчугановъ обратился къ нему, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Дай мнѣ бумажки змѣй сдѣлать! — проговорилъ онъ.

Петровичъ только рукой махнулъ...

III.

Съ семьей на плечахъ Петровичъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ. Но онъ былъ живучъ, не унывалъ, сталъ работать за троихъ. Какая-то старуха-бобылка за полтинникъ въ мѣсяцъ взялась варить ему похлебку и печь хлѣбъ. Петровичъ былъ бѣденъ. Онъ получалъ жалованья 12 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, да готовую квартиру и дрова. Дрова, впрочемъ, въ нашей лѣсной сторонѣ не стоили почти ничего, а квартирой ему служила простая крестьянская изба съ закоптѣлыми стѣнами, съ черной русской печью, съ палатями, съ лавками вокругъ стѣнъ и съ тараканами во всѣхъ щеляхъ. При женѣ, у оконъ висѣли красныя кумачныя занавѣсы.

вѣски, а на подоконникахъ стояли цвѣты въ горшкахъ и въ крынкахъ, за неимѣніемъ горшковъ. Во время же болѣзни жены, цвѣты подолгу не поливались; они засохли и погибли, и только какимъ-то чудомъ изъ нихъ уцѣлѣли герань и кустикъ резеды. Занавѣски уже давно пошли на рубашки дѣтямъ... Въ избѣ было не всегда опрятно. У Петровича рукъ не хватало. Онъ заботился о томъ, чтобы содержать въ чистотѣ комнаты для проѣзжающихъ. «А самъ-то ужъ какъ-нибудь»...

На 12 рублей приходилось жить съ семьей—кормиться и одѣваться. Днемъ, справляя свои смотрительскія обязанности, Петровичъ урывками, въ досужія минуты, самъ обшивалъ ребятъ, самъ бѣгалъ на рѣчку стирать бѣлье, а вечеромъ или ночью, какъ случится, мылъ полы у себя въ конторѣ и въ комнатахъ, вытиралъ окна, сметалъ пыль съ мебели, приводилъ въ порядокъ свои станціонныя книги, писалъ «отношенія» по начальству, отвѣты на различные запросы и такъ далѣе. И поздно за полночь, когда ребятишки уже спали спокойнымъ сномъ—кто на печи, кто на палатахъ,—Петровичъ за столомъ у мигающаго ночника корпѣлъ за работой. То онъ что-нибудь строчилъ «по службѣ», то неумѣлой рукой починивалъ свой вицъ-мундиръ или рубаху.

Отъ постоянной усталости, отъ бессонныхъ ночей, отъ тревогъ и безпокойства за дѣтей, отъ горя—поблѣднѣлъ, осунулся Петровичъ; глаза его покраснѣли и затускли, и весь онъ какъ будто съежился и полинялъ. Мы, васютинскіе жители, знали все это, а проѣзжающіе не могли знать и въ душѣ ругали его «канальей» и «пропойцей». Начальство, сдѣлавшее Петровича смотрителемъ, знало его за трезваго, акуратнаго и исполнительнаго человѣка. Но начальство не знало, что этотъ старый, вѣрный служака, не укравшій во всю жизнь куска казеннаго сургуча, былъ нищій. Начальство не знало, что почтовый смотритель, снявъ свой вицъ-мундиръ, босой, засучивъ по локоть рукава рубахи и вооружившись грязной мочалкой, мылъ на станціи полъ. Начальство не знало, что смотритель, облачивъ